

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ХЛЕБНЫМ РЫНКОМ В 1920–х гг.*

Светлана Михайловна СТАСЮКЕВИЧ,
кандидат исторических наук, г. Благовещенск

Функционирование аграрных рыночных механизмов в период новой экономической политики до настоящего времени практически не привлекало внимания дальневосточных историков. В имеющихся публикациях рассмотрение проблемы не выходит за рамки констатации фактов наличия рыночных тенденций в 1920-х гг. и их сворачивания в конце рассматриваемого периода¹. Исключение представляет экономико-географическая работа А.Н. Демьяненко, в которой исследуется процесс формирования локальных рыночных систем в различных социально-экономических районах Дальнего Востока в первой четверти XX в.² Между тем в связи с рыночными реформами в постсоветской России происходит актуализация данной проблематики в российской историографии³. Среди множества исследований выделим работы новосибирского историка В.А. Ильиных, сформулировавшего концепцию поэтапной монополизации государством рынка сельскохозяйственной продукции, которая представляет интерес для анализа региональных аграрных отношений в период новой экономической политики⁴.

Интеграция Дальнего Востока в советскую экономику началась, когда в Европейской России была завершена демонополизация заготовительного хлебного рынка⁵, положение на котором существенно отличалось от общероссийского прежде всего тем, что здесь не была отлажена система взимания налогов, для населения и частных хлеботорговцев существовали возможности как покупки, так и продажи зерновых на соседней китайской территории. До осени 1923 г. хлебные ресурсы дальневосточных губерний формировались преимущественно за счёт сбора натурального налога и заготовок сельскохозяйственной продукции многочисленными организациями и частниками. Основными держателями видимых хлебных запасов в этот период являлись органы государственной власти/исполкомы (36%) и частные торговцы (26%). Ситуация с хлебными запасами внутри региона существенно отличалась в зависимости от времени советизации губернии:

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00471а.

в Приморье более половины их находилась в руках частного, в Амурской губернии — у исполкомов, в Забайкалье — в кооперации. Летом 1923 г. на Дальнем Востоке был введён единый сельскохозяйственный налог. С этого времени главными держателями хлебных ресурсов повсеместно становятся государственные и кооперативные хлеботоргующие организации. В 1923/24 году основные закупки хлеба у крестьян проводились через кооперацию: к январю 1924 г. в кооперативной сети было сосредоточено 81% хлебных запасов региона, в производящей Амурской губернии — 91,4%⁶.

В 1924 г. во всесоюзном масштабе была реорганизована система управления заготовительным хлебным рынком. Непосредственное руководство централизованными государственными хлебозаготовками осуществляли образованные в мае 1924 г. Наркомат внутренней торговли СССР и наркомторги союзных республик⁷. Осенью 1924 г. создаются Дальневосточный комитет и губернские отделы внутренней торговли, при которых проводились специальные совещания о хлебозаготовках, включавшие представителей всех заинтересованных организаций⁸. На начальном этапе, пока шло становление региональных комитетов и отделов внутренней торговли, большую роль в организации хлебозаготовительного аппарата играло Дальневосточное экономическое совещание (Дальэконосо). Осенью 1924 г. оно определило основные задачи предстоящей заготовительной кампании, которые оказались жёстче формулировок Центра. Если в центральных ведомствах нацеливали местные органы власти на «...недопущение чрезмерного усиления позиции частного хлеботоргового капитала»⁹, то на Дальнем Востоке ставилась задача обеспечить наибольший охват хлебного рынка единым государственно-кооперативным аппаратом в целях вытеснения частных заготовителей¹⁰. В сентябре 1924 г. основными заготовителями на Дальнем Востоке были определены Дальцентросоюз, Дальторг и Дальгосторг, которые должны были вести закуп хлеба через аппарат кооперации.

Заготовительная кампания 1924/25 года велась во многом бессистемно, губернские отделы внутренней торговли нередко действовали, руководствуясь своими соображениями, а не директивами Центра¹¹. В результате весной 1925 г. Дальэконосо констатировало неполный охват плановыми хлебозаготовителями крестьянского рынка зерновых продуктов. В августе этого же года был пересмотрен список основных организаций, получивших право вести заготовку хлеба: ведущая роль на региональном заготовительном рынке отводилась кооперации, которая работала во всех губерниях, и акционерному обществу «Хлебопродукт», впервые начавшему заготовки в ДВО. Вместе они должны были обеспечить 86,4% краевого плана хлебозаготовок, в том числе Далькрайсоюз — 40,5%, Дальсельсоюз — 22%, «Хлебопродукт» — 23,9¹². Устанавливая контрольные цифры хлебозаготовок, краевые власти учитывали реальные возможности имеющегося государственно-кооперативного аппарата, доля которого в заготовках предыдущего года составила 85,5%¹³. В следующем 1926/27 году квоты основным плановым заготовителям были несколько увеличены — до 90,8% краевого плана, в том числе «Хлебопродукту» — 24,9%, Дальсельсоюзу — 33,7%, Далькрайсоюзу — 32,2%¹⁴.

В середине 1920-х гг. в порядке исключения на рынки дальневосточных губерний допускались и другие заготовители имевшие собственные пункты приёма и хранения зерна и получившие банковские кредиты. В 1925/26 году локальные заготовки могли вести Дальгосторг в Приморье и УСТПО — в Амурской губернии. В случае определения хлебных излишков, которые можно было бы вывезти за пределы региона, Дальгосторг занимался и экспортными заготовками в амурской деревне¹⁵, но уже в следующем году он, как и УСТПО, был отстранён от ведения заготовок в Амурской губернии¹⁶. В 1926/27 гг. квоты на заготовку хлеба были выделены Примгосмуктресту и Аммуктресту. С 1926 г. сдать «лишнее» зерно крестьянин мог на территории благовещенских госвинзаводов № 2 и 3. В 1928/29 году к закупке хлеба у крестьянства для собственных нужд допускались «Союззолото» в приисковых районах и «Дальлес» — на таёжных лесозаготовках и только в местах, где не работали плановые заготовители. Внеплановые заготовители обязаны были закупать хлеб по ценам, установленным для ближайших официальных приёмных пунктов, и ежемесячно отчитываться перед окрторгами о ходе своих заготовок по установленной форме¹⁷. Они работали на удовлетворение регионального рынка, но нередко оказывались не в состоянии решать поставленные задачи, проигрывая в заготовках крупным государственным и кооперативным организациям. В частности, такая ситуация сложилась в 1926/27 году, когда Аммуктрест не смог обеспечить загрузку зерном своих предприятий, поскольку крестьянство практически не подвозило его непосредственно на мельницы, поставляя хлеб преимущественно на крупные заготпункты, куда не допускались местные и внеплановые заготовители. Это вынуждало амурских мукомолов закупать зерно у других заготовителей, что повышало себестоимость муки¹⁸.

Решающие шаги по централизации хлебных ресурсов в руках государства были сделаны на Дальнем Востоке в 1927/28 году. Ремонополитизацию хлебного рынка в конце 1920-х гг. власти старались проводить без широкой огласки. 8 января 1927 г. Далькрайком ВКП(б) получил циркуляр ЦК за подписью И. Сталина, в котором предлагалось впредь до особого решения Политбюро не допускать никаких дискуссий по вопросу о системе организации хлебозаготовительного аппарата¹⁹. Результатом реализации директив Центра стало изменение конфигурации основных заготовителей. В 1928 г. дальневосточный рынок был поделён между «Союзхлебом» (36,6% всех заготовок в крае), Дальсельсоюзом (40%) и Далькрайсоюзом (23,4%), причём удельный вес «Союзхлеба» и сельскохозяйственной кооперации в плановых заготовках по сравнению с серединой 1920-х гг. был существенно (в 1,5—2 раза) увеличен, в то время как доля потребительской кооперации сократилась. Несмотря на призывы Центра, на местах нередко разгоралась острая борьба по поводу допуска к заготовкам тех или иных организаций и их доли на рынке. Например, в июле 1928 г. хлебное совещание при Крайторге запланировало предоставить системе Далькрайсоюза лишь 12—16% удельного веса в общих хлебозаготовках 1928/29 года и изъять из системы ДКС все пристанские и линейные заготпункты. Однако в результате рассмотрения протеста правления ДКС в Далькрайисполкоме и Далькрайплане плановые задания потребительской кооперации были увеличены до 23% за счёт «Союзхлеба»²⁰.

На Дальнем Востоке бесспорные преимущества получил «Союзхлеб», государственная организация, монопольный заготовитель и держатель хлебных ресурсов, созданный в 1928 г. на основе реорганизованного акционерного общества «Хлебопродукт»²¹. В апреле 1928 г. на совместном заседании членов правления «Хлебопродукта» Лобачёва, Пригожина и председателя Далькрайисполкома Чуцкаева было принято соглашение о вступлении ДКИК акционером в реорганизуемое общество «Хлебопродукт» «...в целях упрощения заготовительного аппарата и его удешевления путём объединения заготовок, переработки и торговли хлебопродуктами». Соглашение предусматривало передачу «Хлебопродукту» в счёт оплаты акций ДКИК капиталов и имущества Амурского мельничного треста, а также других товарных мельниц Дальнего Востока по согласованному сторонами списку и товарных частновладельческих мельниц, которые будут в установленном порядке национализированы. Кроме того, ДКИК обязывался закрепить за «Хлебопродуктом» не менее половины хлебозаготовительного рынка ДВК²². В октябре 1928 г. «Союзхлебу» в Амурском округе были переданы материальные ценности семи мельниц и маслозавода № 1 «Муктреста» на сумму 2260,3 тыс. руб.²³, одновременно было принято решение Далькрайисполкома о включении в акционерное общество «Союзхлеб» мельпредприятий Примгосмуктреста²⁴.

Финансирование «Союзхлеба» осуществлялось в централизованном порядке в отличие от кооперативных заготовителей, постоянно испытывавших проблемы с кредитованием хлебозакупа. Осенью 1926 г. финансовые трудности поставили под угрозу срыва заготовки Амурсельсоюза. Решить проблему открытия кредита амурским кооператорам могли только краевые власти, о чём и ходатайствовал Амурский окружной исполком. Однако сельскохозяйственная кооперация так и не получила достаточных средств для своих хлебозаготовительных операций и в результате не выполнила плановые задания: по итогам года Амурсельсоюз заготовил всего 80,6% плановых объёмов зерна, в то время как «Хлебопродукт» выполнил план на 146,5%, потребкооперация — на 149%²⁵. К концу нэпа ситуация только ухудшилась. Накануне очередной заготовительной кампании, в августе 1928 г., Центр всё ещё не определил порядок финансирования кооперативных заготовителей всего Дальнего Востока, что вынуждало краевые власти предпринимать меры по урегулированию этого вопроса через НКТ РСФСР и правление Госбанка²⁶. Внеплановые заготовители вообще не могли получать банковские кредиты под закупку хлеба у крестьянства. В отличие от кооперативных заготовителей и местных перерабатывающих предприятий «Союзхлеб» в первую очередь обеспечивался тарой и транспортом²⁷.

Частью общей политики, направленной на установление государственного контроля над аграрным рынком, было районирование хлебозаготовителей, основные принципы которого сводились к тому, чтобы обеспечить государственным организациям преимущества в городах, на крупных железнодорожных станциях и в речных портах, в то же время кооперация и частные заготовители могли работать только в глубинке²⁸. На Дальнем Востоке разветвлённая сеть приёмных пунктов, складских помещений в местах наибольшей концентрации хлебных потоков была предоставлена

«Хлебопродукту». Кооперация должна была производить хлебозакуп через свои низовые организации, Амурский, Приморский госмуктресты и благовещенские госвинзаводы. Открытие этими организациями дополнительных заготовительных пунктов в чужих районах пресекалось. Нарушители подвергались санкциям со стороны краевого или окружных хлебных конвенционных бюро. В 1926/27 году ещё допускалась заготовительная работа в одном пункте нескольких организаций (не более двух государственных и одной кооперативной)²⁹. К 1928 г. монопольное положение «Союзхлеба», преемника «Хлебопродукта», в ключевых пунктах заготовки зерна закрепилось окончательно.

Таблица

Районирование заготовителей в кампанию 1928/29 года

Заготовитель	План заготовок, в тыс. пудов	Заготовки в крупных пунктах Амурского, Читинского, Сретенского округов, тыс. пудов	Заготовки в крупных пунктах, % от общего плана
«Союзхлеб»	5498	5498	100,0
Дальсельсоюз	6001	3338	55,6
Далькрайсоюз	3506	1594	45,5

Источник: ГАХК. Ф. 353, оп. 3, д. 53, л. 168—169.

«Союзхлеб» работал только в Амурском, Читинском и Сретенском округах и вёл хлебозакуп преимущественно в крупных железнодорожных и речных узлах — Благовещенске, Бочкарёво, Средне-Белой, Екатеринославке, Поярково, Комиссаровке, Тамбовке, куда не допускались другие заготовители или им устанавливались ограничения. Например, Дальсельсоюз мог вести заготовки параллельно с «Союзхлебом» на станциях Средне-Белой, Бочкарёво и Екатеринославка, но в Средне-Белой квота сельскохозяйственной кооперации была больше государственной. Далькрайсоюз мог вести заготовки параллельно с «Союзхлебом» только в с. Белоногово, в размерах, не превышающих заготовки «Союзхлеба». В целом в хлебопроизводящих районах Амурского округа сельскохозяйственная и потребительская кооперация могла заготовить лишь около половины от своего планового задания. Остальной хлеб кооперация должна была получить в низовых заготовительных пунктах Владивостокского, Хабаровского, Читинского и Сретенского округов. В то же время Дальсельсоюз и Далькрайсоюз оставались монополистами на хлебном рынке Владивостокского округа³⁰.

Отличительной чертой хлебозаготовительной политики на Дальнем Востоке в 20-х гг. было жёсткое отношение к частнику. Интенсивные частные заготовки велись в Амурской и Приморской губерниях (с 1926 г. — в Амурском и Владивостокском округах), где сосредоточивались значительные товарные излишки хлебных культур и существовала возможность быстро и выгодно реализовать зерно. В Амурской губернии/округе заготовленное частниками зерно перемалывалось на многочисленных частных мельницах и продавалось уже в виде муки. В Приморье в местах заготовки риса и соевых бобов были сосредоточены мелкие частные рисоочистительные и маслобойные предприятия, быстро перерабатывавшие сырьё.

Помимо обеспечения потребительского спроса населения и загрузки мелких перерабатывающих предприятий дальневосточный частник стремился любыми путями расширить свои операции. В 1923—1924 гг. эти хлеботорговцы нередко действовали по поручениям и на средства государственных учреждений и предприятий. Так, один из крупнейших частников г. Трофименко производил заготовки для Приморского комхоза. Широко было распространено посредничество между крестьянином и плановыми заготовителями, когда именно частник выступал контрагентом государственных и кооперативных организаций, используя такие схемы, как покупка дубликатов, наличных запасов, передача договоров, авансирование³¹. В хлебную кампанию 1924/25 г. дальневосточный частник заготовил 14,6% всего закупленного у крестьян хлеба.

В августе 1925 г. Дальэконо признал недопустимым для плановых заготовителей работу с частными контрагентами³². Все последующие кампании характеризовались неуклонным сокращением доли частных заготовок: в 1926/27 году они составили 13%, в 1927/28 году только 7,2% от общего хлебазакупа. Особенно жёстко устранение частника от участия в заготовках зерна проводилось в хлебопроизводящих районах. В Амурском округе уже в кампанию 1926/27 года частник смог заготовить всего 2,1% снятого на рынке хлеба³³. В других районах Дальнего Востока частников не допускали к работе именно с товарным продовольственным зерном. Но, вытесняемые из ключевого сегмента рынка, они переключались на культуры, мало интересовавшие плановых заготовителей. Частные хлеботорговцы, не связанные ценовыми обязательствами, имели возможность быстро реагировать на изменение рыночной конъюнктуры и скупать пользующееся спросом сырьё. Повышенным потребительским спросом были вызваны активные закупки частниками в Приморье крупяных культур осенью 1925 г., а также риса и бобов в 1926/27 году³⁴. Несмотря на то, что уже в кампанию 1924/25 года частных заготовителей Приморья практически не допустили к товарным хлебным ресурсам (они смогли заготовить всего 1,4% основных продовольственных хлебов — ярицы и ржи 760 из 54 754 пудов), их удельный вес в общем объёме хлебазаготовок достиг 39,8%. Если учесть, что на продовольственные хлеба приходилось всего 8,2% закупленного в Приморье зерна, то очевидно, что мелкие предприниматели составили серьёзную конкуренцию плановым заготовителям³⁵.

В следующую кампанию (с октября 1926 г. по март 1927 г.) во Владивостокском округе частники заготовили 22,1% от всего закупленного у крестьян зерна. Предприимчивость частника, его преимущества (мобильность, ценовая реакция на конъюнктуру, охват мелких сегментов рынка, тесная связь с перерабатывающими предприятиями), безусловно, нервировали местные власти, которые нередко инициировали принятие дополнительных мер, ограничивавших частных хлеботорговцев. Например, в октябре 1926 г., в разгар «овсяного» кризиса, Дальвнутторг ходатайствовал перед Наркомторгом «...о введении экономического регулирования погрузок риса, пшеницы, овса и пшеничной муки», ограничивавшего доступ частника к транспортировке заготовленного зерна. Такое решение было принято и вступило в действие с декабря 1926 г., что повлекло за собой значитель-

ное сокращение деловой активности частных заготовителей. Действенным способом вытеснения частника были товарные интервенции: завоз крупной партии овса из Сибири осенью 1926 г. позволил ликвидировать разрыв между заготовительными и рыночными ценами и тем самым устранить коммерческий интерес частного заготовителя³⁶.

Установление государственного контроля над хлебозаготовками имело для дальневосточного рынка противоречивые последствия. С одной стороны, наличие твёрдых каналов сбыта в лице государственных и кооперативных заготовителей стимулировало расширение производства хлебов, прежде всего в житнице региона — амурской деревне³⁷. В то же время государственная монополия заготовок, изъятие хлебных излишков у зажиточной части деревни, ограничения частной хлеботорговли в конце 1920-х гг. привели к сокращению внутридеревенского оборота хлеба, в результате чего крестьянство всех округов Дальнего Востока стало всё больше закупать зерно на внедеревенском рынке³⁸. В итоге крестьянство оказалось зависимым от государства и как производитель, и как потребитель. Для самого государства установление контроля обернулось необходимостью всё более вмешиваться в распределение сельхозпродукции. Впервые планы реализации заготовленного хлеба на Дальнем Востоке были составлены в кампанию 1926/27 года. Основная часть зерна оставлялась для потребления и переработки на местах. Товарные излишки амурской деревни предназначались для поставок в Хабаровский и Владивостокский округа, хлебный дефицит покрывался за счёт ввоза сибирского хлеба³⁹.

Несмотря на все меры по регулированию хлебного рынка, наладить чёткую систему продовольственного снабжения населения в одночасье оказалось невозможно. Антирыночное администрирование местных властей во многом усугубило продовольственный кризис 1928—1929 гг. Для Дальнего Востока особое значение имела ситуация, складывавшаяся в хлебопроизводящем Амурском округе, где кризис хлебозаготовок 1927/28 года с его негативными проявлениями первоначально не вызвал сокращения рыночного предложения сельскохозяйственных продуктов. До весны 1928 г. амурское крестьянство продолжало поставлять значительное количество продовольствия на городские базары. Лишь после того, как был введён запрет на вывоз продуктов из городов, поступление крестьянской продукции сократилось. В результате в городах Амурского округа возник острый недостаток продуктов питания. Ситуация со снабжением амурчан продовольствием резко обострилась в результате катастрофического наводнения 1928 г. Уже в августе этого года население стало делать запасы, появились очереди за хлебом в городах. Резко взлетели цены на все продукты питания. В частной торговле цена на овёс доходила до 4,5 руб. за пуд (в то время как в середине 1920-х гг. цены на овёс не превышали 0,9 руб. за пуд), на муку простого помола — до 6—8 руб. за пуд⁴⁰. Осенью 1928 г. рыночные цены на все сельскохозяйственные продукты продолжали расти, увеличивался разрыв цен заготовительных и вольного рынка⁴¹.

Среди плановых заготовителей вновь развернулась конкурентная борьба: пытаясь привлечь производителя на свои ссыпные пункты, они выдавали крестьянам авансы, шли на нарушение ценовых конвенций через

завышение качества зерна, заготавливали на хлебные кредиты другую сельскохозяйственную продукцию⁴². Но эти приёмы, «нормальные» с точки зрения рыночных методов преодоления кризисной ситуации, не вписывались в изменившуюся логику государственной заготовительной политики. Власть не собиралась возвращаться к рыночному регулированию. Местные государственные органы, основываясь на директивах Центра, принимали постановления, ужесточившие государственный контроль над организацией заготовок и действиями заготовителей.

12 октября 1928 г. Амурский окрисполком в соответствии с директивами Наркомторга постановил, что сельскохозяйственная и потребительская кооперации имеют право свободного открытия глубинных приёмных пунктов в радиусе не ближе 25 км от линейных и пристанских⁴³. На деле это означало жёсткое сокращение кооперативной заготовительной сети. Вскоре, 23 ноября 1928 г., радиус между заготпунктами увеличился до 30 км и вводился запрет на открытие в одном и том же месте более одной ссыпки. Все операции по перевозке и расходованию семенного зерна, гарницевого сбора, хлебофуража заготовители должны были согласовывать с окрторгом и окружным земельным управлением. Этим же постановлением руководители заготаппарата были предупреждены, что в случае обнаружения конкуренции, ажиотажа и нарушения заготовительных цен они будут привлекаться к суровой ответственности — вплоть до снятия с работы и предания суду⁴⁴.

Однако стабилизировать ситуацию не удалось. Осенью 1928 г. перебои с хлебоснабжением имели место практически во всех городах и посёлках Дальнего Востока. Росло социальное напряжение: повсеместно распространялись слухи и кривотолки о войне, голоде, падении советской власти. В очередях за хлебом раздавались «...резкие реплики по адресу партии, Соввласти и отдельных работников». Население объясняло продовольственные затруднения тем, что хлеб вывозится за границу. В октябре 1928 г. забастовали артели сезонных рабочих, кочегары, кондукторы и целые поездные бригады на станциях Магдагачи, Шимановская и Архара. Недовольство рабочих в связи с хлебными затруднениями отмечалось на Кивдинских коях, винзаводах № 2 и 3, мельнице «Муктреста» в Амурском округе, на заводах Амурский металлист, Дальсельмаш (Хабаровск), Дальзавод, на Артёмовском руднике. Паническим настроениям поддавались и коммунисты, например в ячейке трамвайного парка г. Владивостока⁴⁵. Усилилась антисоветская агитация среди крестьянства. Продовольственный кризис ухудшил ситуацию в деревне. В Читинском округе беднота голодала уже в октябре 1928 г., но не могла получить хлеба даже через Госторг, который выменивал муку исключительно на шерсть и сало. Положение нуждавшейся части крестьянства усугублялось тем, что в результате развернувшейся в деревне классовой борьбы резко сократился внутрикрестьянский оборот хлеба. Держатели хлеба на селе отказывались продавать его голодающим. В Амурском округе кулаки и зажиточные отказывали беднякам, особенно комсомольцам, заявляя: «Покупайте у тех, кому пособляли забирать хлеб»⁴⁶. С осени 1928 г. появилась необходимость государственных поставок продовольствия на

село, в то время как в условиях нормального сельскохозяйственного года снабжать нужно было только города⁴⁷.

В ходе хлебозаготовительного кризиса стало очевидно, что система государственного снабжения практически не работала: никто не знал реального расхода хлеба, заявки хлеботоргующих и самоснабжающихся организаций составлялись и регулировались, как правило, в сторону сокращения, «на глазок». В этих условиях руководство ДВК пришло к выводу, что «кризис 1927/28 года сослужил только одну полезную службу, поставив, наконец, во весь рост проблему необходимости планового расходования хлеба»⁴⁸. В апреле 1928 г. Далькрайисполком поставил задачу дальнейшего усиления регулирующей роли государства не только в заготовках, но и во всём процессе распределения хлебной продукции вплоть до поступления её в готовом виде к потребителю⁴⁹. Логическим итогом последовательно огосударствления хлебного рынка стало введение нормированного распределения продуктов питания.

Разрушение рыночной системы поставок продовольствия и катастрофический неурожай ставили всё большее число дальневосточников в зависимость от государственного снабжения. Зимой 1928/29 года в регионе распределение хлеба через централизованные государственные фонды почти в 1,5 раза превысило заложенные в планах снабжения цифры (при среднем плане 97,7 тыс. ц распределялось 130—144 тыс. ц хлеба в месяц). В конце 1928 г. Далькрайпланом были разработаны принципы организации хлебоснабжения и дифференцированы нормы потребления городским населением по социальному признаку: полностью хлебом обеспечивались лишь промышленные предприятия и рабочее население городов и посёлков городского типа. Остальные жители городских поселений промышленного значения снабжались на 50% от потребности, совершенно снималось с государственного снабжения нерабочее население посёлков городского типа. На деле это означало гарантию получать хлеб лишь 1/3 горожан⁵⁰. Прочие дефицитные продукты питания получали только пайщики кооперации через специальные закрытые распределители, создававшиеся при заводах и учреждениях. Для городского населения Хабаровского, Владивостокского, Читинского и Сретенского округов, станции Рухлово твёрдо установленные нормы хлебоснабжения вводились с 1 февраля, для горожан Амурского округа — с 1 марта 1929 г.⁵¹ Дальневосточное крестьянство, в наибольшей степени пострадавшее от наводнения 1928 г., оказалось предоставленным самому себе. Сосредоточив в своих руках все хлебные ресурсы и продолжая всячески ограничивать частную торговлю, государство планировало в зиму 1928/29 года снабжать лишь некоторые категории сельского населения: переселенцев (2,4% всего сельского населения ДВК) на 80% от потребности; пострадавших от стихийных бедствий (около 10% крестьянства) — на 33%; бедноту — за счёт гарнцевого сбора, остальное сельское население — на 8% от потребности и при наличии свободных фондов⁵².

Таким образом, к 1928 г. на Дальнем Востоке было завершено создание жёстко централизованного заготовительного аппарата, способного осуществлять на практике директивы государства. Рыночное пространство

оказалось разделено между ограниченным числом государственных и кооперативных заготавливающих организаций. Ключевые позиции на хлебном рынке были отданы государственному монополисту «Союзхлебу». Общегосударственные приоритеты нередко наносили ущерб региональным интересам: основные плановые заготовители не проявляли заботу о семенах; постоянно возникали сложности со снабжением зерном местных перерабатывающих предприятий, что приводило к росту цен на их продукцию; усиливалась зависимость региона от централизованных поставок сибирского хлеба. С 1926/27 года активизировалось вмешательство государства в распределение хлебопродуктов. Закономерным итогом огосударствления хлебного рынка стало введение в регионе системы нормированного распределения продовольствия, из которой, однако, была фактически исключена значительная часть дальневосточников.

-
- ¹ Саначёв И.Д. Дальневосточный нэп: опыт и уроки // Вестн. ДВО РАН. Владивосток, 1993. № 2, 4/5; Фомин В.Н. Дальний Восток в годы нэпа // Нэп: Завершающая стадия: Соотношение политики и экономики. М., 1998. [Электронный ресурс]. <http://www.auditorium.ru>. дата обращения 04.07.2007; Лыкова Е.А., Прокураина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока в 20—30-е годы XX века: коллективизация и её последствия. Владивосток: Дальнаука, 2004; Дударь Л.А. Дальневосточная торговля в годы Гражданской войны // Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию окончания Гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке. 23—25 октября 2002 г. Благовещенск, 2002. С. 105—112; Пастухова Е.И. Денежное обращение в период советизации. 1922—1924 гг. // Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию окончания Гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке. 23—25 октября 2002 г. Благовещенск, 2002. С. 135—142.
- ² Демьяненко А.Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 2003.
- ³ Аграрный рынок в историческом развитии: сб. науч. тр. Екатеринбург: УрО РАН, 1996; Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок: сб. науч. тр. Орёл, 2005; Россия нэповская / под общ. ред. А.Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002.
- ⁴ Ильиных В.А. «Масляная война» 1923—1928 гг. в Сибири: государство, кооперация и частный капитал на заготовительном рынке в условиях нэпа. Новосибирск, 1996; он же. Маслозаготовки в Сибири в условиях нэпа // [Электронный ресурс] — <http://history.nsc.ru/iva127.htm>. Дата обращения 28.03.2006; он же. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921—1928 гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.
- ⁵ Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири... С. 38.
- ⁶ Стат. ежегодник 1923—1925 гг. Хабаровск, 1926. Ч. 2. С. 181.
- ⁷ Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири... С. 96—97.
- ⁸ ГАПК. Ф. п-61, оп. 1, д. 478, л. 66.
- ⁹ Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири... С. 96—97.
- ¹⁰ ГАХК. Ф. 1151, оп. 1, д. 3, л. 13.
- ¹¹ ГААО. Ф. 481, оп. 2, д. 10, л. 17.

- ¹² Там же. Оп. 3, д. 68, л. 17, 43.
- ¹³ Стат. ежегодник 1923—1925 гг. С. 182—187.
- ¹⁴ ГАХК. Ф. 353, оп. 1, д. 34, л. 72.
- ¹⁵ ГАОО. Ф. 481, оп. 3, д. 68, л. 43; ГАХК. Ф. 1151, оп. 1, д. 4, л. 75.
- ¹⁶ ГАХК. Ф. 353, оп. 1, д. 34, л. 71 об.
- ¹⁷ Там же. Оп. 3, д. 53, л. 149—150; л. 167—171; ГАОО. Ф. 376, оп. 1, д. 4, л. 191.
- ¹⁸ ГАОО. Ф. 376, оп. 1, д. 4, л. 190 об.
- ¹⁹ ГАХК. Ф. п-2, оп. 1, д. 18, л. 14.
- ²⁰ Там же. Оп. 3, д. 5, л. 168—169, 180—181.
- ²¹ Ильин С. Из опыта хлебозаготовок в период нэпа // Экономист. 1994. № 6. С. 90.
- ²² ГАХК. Ф. 353, оп. 3, д. 53, л. 199—200.
- ²³ ГАОО. Ф. 376, оп. 1, д. 24, л. 6.
- ²⁴ ГАХК. Ф. 353, оп. 3, д. 53, л. 170.
- ²⁵ ГАОО. Ф. 376, оп. 1, д. 4, л. 2, 189 об.
- ²⁶ ГАХК. Ф. 353, оп. 3, д. 53, л. 149—150.
- ²⁷ Там же. Оп. 1, д. 34, л. 73, 74—75.
- ²⁸ Ильин С. Из опыта хлебозаготовок в период нэпа. С. 90.
- ²⁹ ГАХК. Ф. 353, оп. 1, д. 34, л. 72 об. — 73.
- ³⁰ Там же. Оп. 3, д. 53, л. 168—169.
- ³¹ ГАПК. Ф. п-61, оп. 1, д. 478, л. 46, 65—65 об.
- ³² ГАХК. Ф. 1151, оп. 1, д. 4, л. 71, 75.
- ³³ ГАХК. Ф. 353, оп. 3, д. 53, л. 10; ГАОО. Ф. 376, оп. 1, д. 4, л. 189 об. — 190.
- ³⁴ Там же. Оп. 1, д. 4, л. 114; ГАХК. Ф. 353, оп. 1, д. 34, л. 77.
- ³⁵ Стат. ежегодник 1923—1925 гг. С. 186—187.
- ³⁶ ГАХК. Ф. 353, оп. 1, д. 34, л. 77—79.
- ³⁷ Громов М.П. Сельское хозяйство ДВК в 1928 году // Дальневост. стат. обозрение. 1929. № 2. С. 17.
- ³⁸ Любимов С. Хлебофуражный баланс ДВК за трёхлетие 1925/26—1927/28 гг. // Дальневосточное статистическое обозрение. 1929. № 1. С. 15.
- ³⁹ ГАХК. Ф. 353, оп. 1, д. 34, л. 73—73 об.
- ⁴⁰ РГИА ДВ. Ф. 2413, оп. 4, д. 1225, л. 68, 70; Бюллетень рынка и цен Дальнего Востока. Хабаровск, 1924. № 12. С. 12—13.
- ⁴¹ ГАОО. Ф. 376, оп. 1, д. 15, л. 156—156 об.; д. 24, л. 14.
- ⁴² Там же. Л. 174—176.
- ⁴³ Там же. Д. 24, л. 1—2.
- ⁴⁴ Там же. Л. 174—176.
- ⁴⁵ ГАХК. Ф. п-341, оп. 1, д. 178, л. 11.
- ⁴⁶ ГАОО. Ф. 376, оп. 1, д. 59, л. 4—5.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 21, д. 2113, л. 23.
- ⁴⁸ РГИА ДВ. Ф. 2413, оп. 4, д. 1225, л. 77, 128.
- ⁴⁹ ГАХК. Ф. 353, оп. 3, д. 53, л. 6—7.
- ⁵⁰ Там же. Л. 88—93.
- ⁵¹ Там же. Л. 64—68.
- ⁵² Там же. Л. 88—93.

SUMMARY: The process of state monopolization of grain procurement in the Far East in conditions of new economic policy is disclosed in the article: the part of procurement market between limited number of state and cooperative organizations, private grain merchants ousting, the establishment of bread products normalized distribution. The fact is that the centralization of bread resources which is held in state's arms undamaged to the interests of general consumers.